

вновь наступить на грабли, коварно притаившиеся в траве забвения» (с. 364).

Завершает книгу рубрика «История. Философия. Социология», демонстрирующая методологический тупик современности: «Нынешняя понятийно размытая российская историография на фоне географической беспредельности и вместе с тем темпоральной уплотнённости своего “непредсказуемого прошлого” смотрится эвристически беспомощной. А потому речь идёт всего лишь о её интеллектуальной свободе и научном достоинстве» (с. 498).

Однако Булдаков убеждён, что эти сложности преодолимы: «Многообразные нелепости переходного времени могут показаться неисчислимыми. Однако по мере их накопления, через коллизии творческого недо-

умения и исследовательских метаний рано или поздно прорежется воля к истине. Так будет, ибо только этим жива История. Мысль исследователя непременно осилит XXI век» (с. 682). Видимо, в этом и заключается кредо замечательного учёного, в течение многих десятилетий с непостижимым упорством прокладывающего дорогу к истине.

Примечание

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

Виталий Тихонов

Советская империя наций Франсин Хирш*

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Francine Hirsch's Soviet empire of nations

DOI: 10.31857/S2949124X23050218, EDN: OLFLNI

Оригинальное (англизированное) издание книги Ф. Хирш вышло по академическим меркам достаточно давно — в 2005 г.¹ К тому времени западная советология отошла от прямолинейных представлений о советском строе как сугубо репрессивном, приносившем интересы национальностей в жертву классовой идеологии и постоянно проводившем массовые репрессии по этническому принципу.

Новое поколение историков, не отрицая факта репрессий, обратило внимание на несиловые методы управления: культурные технологии и микропрактики управления. Отталкиваясь от известной идеи Б. Андерсона о том, что ключевыми элементами нацистроительства выступают перепись, карта и музей, и дополнив её теорией дискурсивных практик М. Фуко, они принялись изучать роль культуры и науки

* Хирш Фр. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

в советской «национальной» политике. Этот этап развития историографии можно назвать временем торжества конструктивистского подхода, постулирующего активную и даже решающую роль институтов и интеллектуалов в процессе нациестроительства. На этом фоне и вышла рассматриваемая монография.

Она вызвала заслуженный интерес², однако несколько потерялась на фоне ряда других книг на схожую тему, опубликованных приблизительно в то же время. В частности, монументальной и концептуально «нахрапистой» монографии Т. Мартина «The affirmative action Empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939» (2001), которая в переводе на русский язык получила название «Империя “положительной деятельности”»: нации и национализм в СССР, 1923–1939» (2011). Напомню, что в ней автор сравнивал этнополитику первых советских десятилетий с политикой «позитивной дискриминации», активно продвигавшейся в странах Запада с 1970-х гг. Разумеется, такие броские аллюзии, помноженные на солидную источниковую базу и множество интересных наблюдений, обеспечили книге шумный успех. Не меньший резонанс вызвала книга Д. Бранденберга «National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956» (2002)³, автор которой предложил принципиально иную интерпретацию проблемы. Он утверждал, что Сталин сформулировал русоцентричную идеологию, обеспечившую успешную мобилизацию населения в сложных условиях второй половины 1930-х – 1940-х гг.

Между тем Хирш предложила свой взгляд на советскую модель нациестроительства, которую назвала «поддерживаемым государством развитием». Его целью «было не развитие “национальных меньшинств” за счёт “нацио-

нального большинства”, а ускорение прогресса всех народов (и больших, и малых) через воображаемые стадии марксистской исторической шкалы от феодализма и капитализма к социализму и далее к коммунизму» (с. 153).

В центре внимания автора – «культурные технологии управления». Это, прежде всего, этнографическое знание, игравшее значительную роль в интеллектуальном и информационном обеспечении большевистского курса. Оно сыграло одну из ключевых ролей в национально-территориальном строительстве 1920–1930-х гг., проведении демографических переписей и т.д. Большой интерес также представляет исследование роли и значения музейных экспозиций в конструировании советских наций.

Необходимо отметить важное наблюдение: советская власть активно использовала в своих интересах «имперских экспертов» и их научную компетентность. Благодаря этому наблюдалась известная преемственность с дореволюционным управлением и регулированием национальных процессов. Данное утверждение вызвало активную критику. Так, М. Могильнер высказала сомнение в том, что этнографов, сотрудничавших с большевиками, уместно называть «имперскими экспертами», поскольку большинство из них имели народническое или иное революционное прошлое⁴. Это мнение поддержал А.И. Миллер, заявив, что книга Хирш слаба в концептуальном отношении⁵. Солидарную позицию высказал и А.А. Воронович⁶.

Мне кажется, что критики излишне категоричны. Не стану вступать в спор насчёт этнографов, поскольку никогда не занимался данной проблемой. Однако наблюдения Хирш подтверждаются примерами создания советского исторического нарратива. Кстати, она не уделила специального внимания историописанию, но отметила, что

оно, «подобно переписи, карте и музею», оказалось «важной культурной технологией управления и помог[ло] большевикам осуществить их преобразовательные программы и консолидировать советскую власть» (с. 415).

Известно, что многие «историки старой школы» стали жертвами «Академического дела» конца 1920-х — начала 1930-х гг. Но затем их вернули из ссылки и сделали важными участниками процесса концептуального и фактографического оформления исторического нарратива, обосновывавшего «советский патриотизм» и культ Сталина. Подчеркну, что абсолютное большинство из них не имели революционного опыта. Напротив, их можно рассматривать как сторонников сильной государственной власти, т.е. в конечном итоге тех самых «имперских экспертов».

Кроме того, они посодействовали отказу от антиколониалистского пафоса раннесоветской историографии⁷. В 1920-х — первой половине 1930-х гг. русская колонизация оценивалась преимущественно как история кровавого завоевания, экономического порабощения и национального гнёта. Но такой взгляд всё меньше соответствовал задачам сплочения и мобилизации многонационального населения СССР, поэтому от него постепенно стали открепляться — и во многом под влиянием и по инициативе «историков старой школы». Например, С.Б. Веселовский писал в 1937 г. в рецензии на знаменитый учебник по истории СССР авторства А.В. Шестакова: «Двухвековой процесс продвижения русского народа от берегов Оки до Чёрного моря, так наз[ываемое] наступление на степь, “проглочены”, если можно так выразиться, авторами учебника. Я считаю это большим пробелом, так как в этом наступлении великорусы и украинцы совершили большое культурно-ценное дело и проявили большую силу духа и упорства, временами доходящие до

героизма, заселяя под ударами кочевников никем не занятые и не обрабатываемые пустые земли»⁸.

Традиции отечественной дореволюционной историографии, тесно связанные с мифологией культуртрегерской миссии Российской империи, пусть постепенно и частично, но становились важной частью советского исторического нарратива. Впрочем, необходимо учитывать: степень восприимчивости власти к этим идеям зависела не столько от компетенции экспертов и их умения убеждать, сколько от того, вписывались ли они в идеологическую повестку, которая менялась довольно быстро. Следовательно, процесс следует анализировать как неравноправное и динамичное взаимодействие власти и экспертов, а среда последних отличалась неоднородностью и конфликтогенностью.

Концепция Хирш неоднозначна, но и подходы её оппонентов не менее спорны. Многообразие и динамика национальных процессов в СССР не позволяют предложить общую и универсальную формулу их исследования. Можно вспомнить уже упомянутого Миллера, предложившего ситуационный подход к исследованию Российской империи. Его суть заключается, во-первых, в отказе от изучения явления в строго очерченных административно-территориальных рамках, во-вторых, в фокусировании внимания на взаимодействии акторов⁹. Анализ процессов в динамике и меняющихся контекстах позволяет адекватнее понять и национальные процессы в советское время.

В заключение хотелось бы отметить фактографическое богатство книги, делающей её незаменимым источником информации по истории советской этнографии, вопросам проведения переписей и межевания границ в 1920—1930-е гг. Можно надеяться, что публикация на русском языке сделает книгу

и заложенные в ней идеи гораздо более востребованными российскими историками, чем это было ранее.

Примечания

¹ Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; L., 2005.

² Рецензии появились в том числе и в России: *Могильнер М.* [Рец.] // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 544–545; *Абашиш С.* [Рец.] // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 2. С. 165–168.

³ На русском языке книга издавалась дважды: *Бранденбергер Д.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Пер. с англ. Н.Г. Алёшиной, Л.Н. Высоцкого. СПб., 2009; *Бранденбергер Д.* Сталинский руссоцентризм. Советская массовая

культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н.Г. Алёшиной, Л.Ю. Пантиной, Л.Н. Высоцкого. М., 2017.

⁴ *Могильнер М.* [Рец.].

⁵ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 206.

⁶ *Воронович А.А.* Противоречивые истории советского национального государства: некоторые проблемы советской национальной политики в современной зарубежной историографии // *Прошлый век. Сборник научных трудов*. Вып. 1. М., 2013. С. 374–375.

⁷ См.: Советский национальный проект в 1920–1940-е гг.: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. М., 2021. С. 453–484.

⁸ Архив РАН, ф. 638, оп. 4, д. 24, л. 9.

⁹ Подробнее см.: *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм... С. 28–29.

Ирина Пушкарёва

Советский историк послевоенного поколения профессор А.М. Сахаров*

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Soviet historian of the post-war generation, Professor A.M. Sakharov

DOI: 10.31857/S2949124X2305022X, EDN: OJPQKG

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Анатолия Михайловича Сахарова (1923–1978), выдающегося отечественного историка, талантливого учёного, педагога, организатора науки, отдавшего 30 лет жизни историческому факультету МГУ им. М.В. Ломоносова. Долгие годы А.М. Сахаров был непосредственно связан и с коллективом Института истории СССР АН СССР – участвовал в заседаниях секторов и Учёных советов, а последние три года жизни входил в состав редколлегии журнала «История СССР». К юбилею выдающегося историка выпущена книга, написанная его сыном – профессором

Николаем Анатольевичем Сахаровым, доктором политических наук, советником дирекции Российской государственной библиотеки.

Меня с А.М. Сахаровым связывали возникшие ещё в послевоенные годы товарищеские отношения, что позволяет добавить важные штрихи к образу учёного, каким его знали коллеги и друзья. Анатолий Михайлович принадлежал к поколению историков-фронтовиков, до конца жизни сохранивших творческий потенциал, работоспособность, увлечённость профессией, верность принципам и самим себе. Дорогу к мечте – стать историком – преградила война. В 1941 г.

* Сахаров Н.А. Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.М. Сахаров. К 100-летию со дня рождения (1923–1978). М.: Буки Веди, 2023. 270 с.